

Василий Иванович Немирович- Данченко

Газават

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Газават**

Солнце стояло уже посреди неба, обдавая всё внизу своим палящим зноем. Далеко, далеко, куда только проникли взоры, — тянулись причудливые вершины Аварских гор. Долины между ними затянуло светом. Грохот горных потоков, рёв водопадов, заглушавшие всё по ночам и на рассвете, теперь притаились. Два или три раза среди общего молчания утомлённой зноем природы, раздавались внизу выстрелы, но на них никто не обращал внимания. Какой-то пернатый хищник, раскинув громадные, тёмные крылья, ринулся в одну из саклей и, выхватив с её двора курицу, взвился с нею опять в головокружительную высоту. Кабардинский князь взял было ружьё у своего нукера, да Джансеид остановил его.

— Ради Аллаха! Что ты делаешь?

— А что? — удивился тот, недовольный тем, что ему помешали.

— Разве ты не знаешь нашего адата?

— У лезгин на всё адаты!

— Это старый. Не у нас одних! И по всей Чечне его соблюдают: когда старики перед лицом Аллаха совещаются в мечети, никто не смеет стрелять в ауле.

Уздень передал ружьё слуге и нахмурился.

— Долго ли они будут ещё болтать. Нет, у нас не так: наш джамаат перед всем народом.

Но он не кончил: двери мечети растворились.

Все жадно устремили туда горевшие страстным любопытством взоры.

«Что-то покажется в дверях: вынесут ли муталлимы саблю или выйдут с пустыми руками?»

С кровель поднялись женщины. В эту торжественную минуту они забыли осторожность, и чадры сами спали с них... Вдруг вся площадь точно ахнула... В темноте из мечети показался сам мулла Керим. Его никто не поддерживал, он шёл по-юношески легко и в правой руке высоко держал обнажённую саблю. И не успел ещё он ступить на накалившиеся камни площади, как молодёжь выхватила из-за поясов пистолеты, у кого были — скинули ружья из-за спины, и весь аул, казалось, затрепетал на темени утёса от оглушительной трескотни беспорядочных выстрелов. Под этот грохот старики выходили из мечети. Гассан шёл позади, печальный, сумрачный.

Мнение его не одержало верх. Он знал русских и предвидел гибель родного аула. Залпы сверху отдались в долинах. В скалах всё, что оставалось дома, выскочило на крыши и оттуда снизу тоже стало посылать выстрелы в бездонную синь огневого неба. С окрестных утёсов всполошились спавшие совы и филины, отдохавшие кречеты и соколы. Всё это сослепа поднялось вверх, и долго жалобные крики встревоженных пернатых разбойников неслись с высоты в узкие улицы аула. Издалека другие аулы с других вершин отозвались такими же выстрелами. Там поняли, в чём дело, и точно приветствовали отовсюду вспыхнувший в Салтах газават. Сегодня весь Дагестан, таким образом, узнал о священной войне и стал снаряжать узденей на битву.

Одни только аулы казикумухцев [1] остались равнодушны. Впрочем, нет: все их жители поспешно собирались домой и соображали, как бы им дать знать «урусу», что они не причём в общем безумии своего народа.

Лаки — купцы и промышленники. Они, как разносчики и ремесленники, бродят повсюду.

«Подними любой камень и ты под ним найдёшь лака, — говорят лезгины. — Если не застанешь его, то поколоти место, где он сидел». Так неприязненно дагестанцы относятся к продавшемуся шайтану казикумухцу.

Ещё не успели старики выйти из мечети, как молодёжь к её порогу приволокла за рога чёрных баранов.

Война была объявлена, — поэтому белые не годились для сегодняшнего торжества. Одного за другим подводили животных к джамии. Мутталлимы должны были держать их за рога, а лезгины одним ударом шашки рубили им головы. Удачные удары возбуждали общий восторг, неудачные — насмешки... Быстрее молнии взвилась шашка Джансеида, и чёрная, кудлатая голова барана покатилась на плиты... Кровь его облила порог мечети.

— Хорошо, джигит! Руби так русские головы... Хвала твоему отцу, да возрадуется его душа!.. В твоей сакле всегда будет достаток. Горе твоим врагам!

Бедному Селиму не повезло.

Своего барана он обезглавил с трёх раз. Общй смех пошёл по всей площади.

— Эй, Селим! — кричали ему, — ты бы остался дома холсты ткать, с нашими женщинами, да чужих ребят нянчить.

— Селим по ошибке носит черкеску.

Весь бледный стоял он, опустив голову. По горскому обычаю он не смел сердиться в такую минуту.

Джансеид вступился за друга, заметив слёзы на глазах Аслан-Коз.

— Чего вы напали на него? Виноват он разве, что у него шашка зазубрилась. Нашим шашкам давно ведь не было дела. Не мудрено! Не опускай головы, Селим. Я сейчас приведу тебе нового барана. Только возьми мою шашку и оставь её себе.

Но раньше, чем он пошёл за животным, Аслан-Коз крикнула сверху:

— Я сама приведу его, погодите. Селим всем вам докажет, что не у него, а у вас пряжи в руках.

Молодой человек вспыхнул и оправился, услышав голос невесты, так смело вступившейся за него. Не прошло нескольких минут, — как она сама показалась на площади, едва волоча за рога обречённую жертву.

— Я встану рядом. И если тебе не удастся, — умру от стыда! — шепнула она на ухо Селиму.

— Джансеид, спасибо тебе! Возьми свою шашку назад.

— Оставь, оставь её, она лучше твоей.

— Я покажу этим эшкакам [2], - презрительно окинул Селим всю площадь, — что моя сила не на кончике языка. Не надо мне шашки, у меня и кинжал исполнит ту же службу. Держи за рога, Аслан-Коз.

А сам на мгновение зажмурился.

— Алла, Алла! — про себя прошептал он. — Если мне не удастся, я вторым ударом себя принесу тебе в жертву.

Весь бледный, он замахнулся, — и разрубленное животное, обливаясь кровью, рухнуло на камни площади.

Всё кругом дрогнуло от восторга: обезглавить крупного барана одним ударом кинжала считалось самым мастерским делом. Аслан-Коз не выронила отрубленной башки. Она удержала её, высоко поднимая над собою и не замечая, что кровь каплет прямо на её шёлковый башмет.

— Слава Селиму! — восторженно кричала молодёжь.

Джансеид с радостной гордостью смотрел на приятеля.

В такой торжественный день нечего было беречь дорогого в лезгинских аулах дерева.

Мальчишки натаскали его на площадь, женщины принесли большие чугунные котлы. Девушки побежали вниз к потоку за водою...

Старики уселись под деревом в ожидании общего пира.

Только мулла Ибраим не успокоился. Он спросил у Керима:

— Где у вас русский этот, пленный аскер?

— Внизу.

— Пойдём туда. Мне надо убедить его спасти свою душу и тело. Он храбрый джигит.

— Я уже пробовал. Обещал ему саклю.

— Что же он?

— Подлая собака, в глаза мне плюнул. Пойдём, может быть, сердце гяура не устоит перед твоею мудростью.

И оба старика пошли по ступеням крутой улицы, вниз, к лачуге русского пленного.

Примечания

лаки

[^^^]

ОСЛАМ

[^^^]